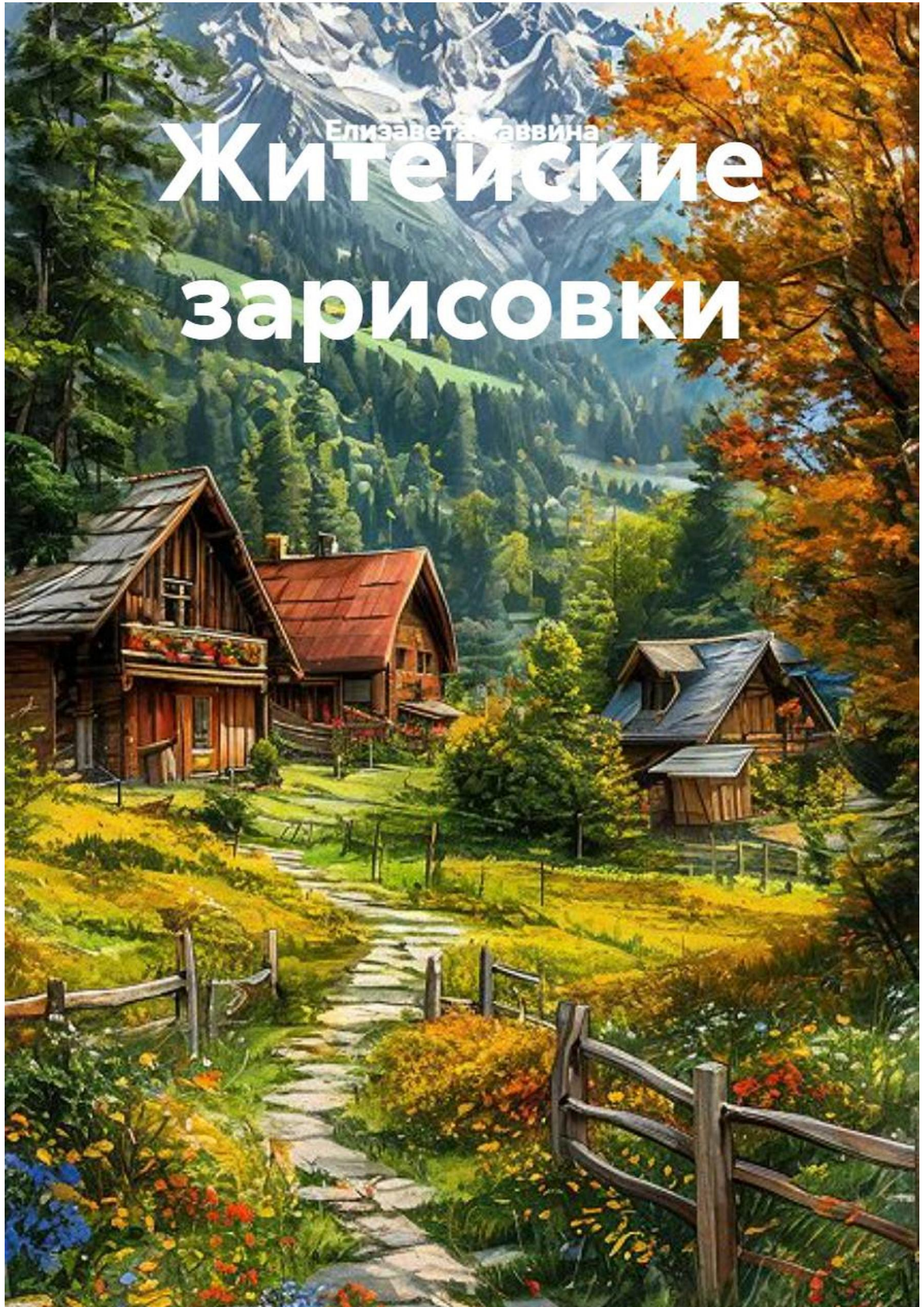

Елизавета Павлова

Житейские зарисовки

Елизавета Саввина

Житейские зарисовки

«Автор»

2026

Саввина Е.

Житейские зарисовки / Е. Саввина — «Автор», 2026

Книга "Житейские зарисовки" представляет собой сборник простых, но удивительных человеческих историй. В этих миниатюрах – сама жизнь, сотканная из светлой грусти, ежедневных забот, неожиданных радостей.

© Саввина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11

Елизавета Саввина

Житейские зарисовки

Глава 1

Глава 1

1. Два жениха

У старика Леонтия, старосты наслега (наслегом в Якутии раньше называли большую деревню), была единственная дочь на выданье. Красивая, умная, хозяйственная. Да ещё и с богатым приданым. Просто мечта, а не девушка. Звали её Марина. И нашлись два завидных жениха с дальнего наслега, ни в чём невесте не уступающие. Девушка ни одному из них предпочтения не отдавала, оба хороши, ну как тут выберешь? Решила она доверить свою судьбу случаю и сказала женихам: «Садитесь на коней и скачите со своего наслега до моего. Я выйду замуж за того из вас, чей конь придет последним».

Женихи оседлали коней и поскакали. То есть, конечно, не поскакали, а поплелись, ведь каждый мечтал добраться вторым. Тут присядут, там прилягут и вздремнут. В общем, путь затянулся, провизия закончилась, женихи оголодали, ослабели, а конца пути не видать, ни один не желает сдаваться.

И вот очередной привал. Парни сошли с коней, сели друг против друга и обречённо уставились в землю. Вдруг видят: идет мимо них старик Леонтий – отец Марины, направляется в гости к своему брату в соседний наслег. Взмолились парни: «Дорогой Леонтий Иванович, что же нам делать? Оба хотим жениться на Марине, а она выйдет за того, чей конь придёт вторым. Мы готовы бороться за Марину, хоть год будем добираться, но так и до голодной смерти недалеко. Посоветуй, пожалуйста, ты же мудрый старец». Леонтий поглядел на женихов потечески добрым взглядом: «Вы оба мне нравитесь, любой из вас будет для Марины отличным мужем, с любым из вас моя дочь будет счастлива. Вот вам мой совет». И сказал, что им делать. Парни сразу же сделали то, что предложил Леонтий, и поскакали что есть мочи до Марины, только пыль летела из-под конских копыт.

Через несколько дней Марина вышла замуж за одного из парней. Супруги прожили долгую, счастливую жизнь.

Что за совет дал женихам Леонтий?

Ответ:

Он сказал: «Поменяйтесь конями». Парни поменялись и сделали всё, чтобы прискакать первым на чужом коне. Одному из них это удалось, за него и вышла замуж Марина.

2. Прозаседавшиеся

Как-то лет 60 назад в одной из якутских деревень, в просторном доме сельсовета, собрались активисты, чтобы решить разные важные вопросы. И пока они заседали, дети, игравшие на улице, взяли и в шутку закрыли снаружи дверь.

Уже начало темнеть, прозаседавшиеся стали собираться по домам и тут обнаружили, что закрыты. Выбивать новые двери-окна было жалко, поэтому отправили Луку Попова в комнату, окна которой выходили на главную улицу, мол, подожди, когда кто-нибудь пройдёт, постучи и жестами попроси, чтобы открыл нам дверь.

Лука так и сделал, прошёл в указанную комнату и встал у окна, дожидаясь освободителя. Вдруг видит: идёт по улице Люба – пышная молодая женщина с длинными белыми косами. Люба была фельдшерницей, несколько лет назад приехавшей в их деревню из Центральной

России по направлению после окончания медицинского училища. Вскоре после приезда она вышла замуж за местного тракториста Дормидонта, родила ему дочь, да так и осталась навсегда в якутской деревне.

Лука обрадовался и начал изо всех сил стучать по оконному стеклу. Люба, услышав стук, остановилась и посмотрела в сторону окна. Лука обеими руками стал энергично подзывать Любу подойти поближе. Надо сказать, что Лука Попов слыл в деревне первым бабником. Люба увидела ситуацию так: стоит в тёмном помещении женолюб Лука, один-одинёшенек, и нагло зовёт её к себе, еще и подпрыгивает от похоти. Она, конечно, оскорбилась, и быстро добежав до дома, рассказала мужу, что Лука её соблазнял, пытаясь зазвать в пустой дом. Муж Любы Дормидонт был очень ревнив. Он схватил топор и помчался расправляться с обидчиком жены, Люба – за ним. В мгновение ока добежали они до сельсовета. Дормидонт откинул засов, распахнул дверь, а за дверью – куча народу. Тут-то всё и выяснилось.

Много лет с тех пор прошло, а эту историю и сейчас в деревне помнят.

3. На поезде сквозь Новый Год (моё воспоминание)

31 декабря 1992 года. Дело к ночи. Я сажусь в сидячий вагон поезда Москва-Питер. В вагоне народу немного, все спят мертвецким сном – молчаливые, уставшие от жизни, равнодушные ко всему. Им нет никакого дела до наступающего Нового Года.

В Москву я приезжала на четыре дня, чтобы повидаться с подругой. Эх, Москва, Москва златоглавая. Это потом ты стала такой блистательной и манящей. Ну, и конечно, при СССР Москва была «кипучей, могучей, никем не победимой». А вот в девяносто втором столица представляла собой удручающее зрелище. Везде мусор, всюду нищие, у Кремлёвской стены притулились палатки с беженцами.

Подруга моя уезжала днём раньше. Я её провожала. Вдвоём с вечера приехали в Домодедово. В аэропорту негде было не то чтобы сесть, но и нормально стоять, везде люди, люди, люди: ждущие своих рейсов, не имеющие билетов, бездомные, беженцы и т.д. Объявили экскурсию в город. Злые, сонные граждане (и мы с подругой тоже) набились в экскурсионный автобус, сели и тут же уснули. Сквозь сон помню, как экскурсовод рассказывала о разных достопримечательностях Москвы, а сонные голоса бормотали: «Замолчи, дай поспать, а?».

Итак, еду в Питер, домой. Попутчики мои спят, сидя в креслах. Я не сплю, грызу тогдашнюю сладость – соевый шоколад, ведь вот-вот наступит Новый Год. Смотрю на свои наручные часы: вот и двенадцать ночи. Помню, что пожелала России быть сильной и не лететь под откос. Так я встретила 1993 год.

Глава 2

Глава 2

4. Бедный Ленин

Про Алексея Кузьмича, интеллигентного немногословного мужчину средних лет, говорили: «Он из-за Ленина жёстко пострадал». Мне было интересно, но в детали на людях не вдавалась. И вот как-то мы поехали большой компанией в лес по ягоды и там, за вкусным ужином у костра, я узнала подробности курьёза, который приключился с Алексеем Кузьмичом.

Дело было так. Алексей Кузьмич в семидесятых годах был директором небольшой сельской школы и правильным коммунистом. Однажды, в конце апреля, школа вышла на ленинский субботник. Убирали пришкольную территорию: очищали дорожки, уносили мусор, складывали нужные вещи в кладовку и т.п. Алексею Кузьмичу показалось, что вышедшие на субботник недостаточно активны и даже, пожалуй, отлынивают от работы. А он был истинным коммунистом и считал, что строители будущего обязаны трудиться, не покладая рук («от каждого – по способностям каждому – по труду», говорили тогда). Поэтому прохладное, на его взгляд, отношение школьников и учителей к субботнику, подтолкнуло Алексея Кузьмича к произнесению пламенной речи. Он собрал всех вокруг себя и выдал такой спич:

– Вот вы, здоровые и сильные, ленитесь, еле шевелитесь, а бедный Ленин вскоре после того, как его ранила Каплан, на субботник вышел, брёвна таскал, да ещё и самые тяжёлые для себя выбирал. Ему было больно, но он себя не жалел ради того, чтобы вы, лодыри, жили счастливо.

И вроде после этих слов Алексея Кузьмича работа пошла веселее. Вскоре территория школы была в идеальном порядке.

Через несколько дней Алексея Кузьмича вызвали в райцентр, потом ещё и ещё. В общем, вскоре его сняли с директорской должности и исключили из партии.

В чём же было дело? Как выяснилось, в райком партии поступило анонимное письмо, в котором доносчик пожаловался, что Алексей Кузьмич во время школьного субботника обозвал Ленина «бедняжкой». Самого Ленина!

Суть же заключалась в следующем. Речь директора была на якутском языке, а слово «бедный» по-якутски звучит как «эрэйдээх». Слово это весьма неоднозначно. Его можно перевести и как «бедный» в обычном понимании, но помимо того и как «бедолага», «бедняжка», «горемыка», «сердяга». Вот и получается, что Ленина оскорбил. На самом деле, конечно, у Алексея Кузьмича, и в мыслях не было высказываться о Ленине уничижительно, он по-человечески, искренне пожалел вождя, восхитился его силой духа.

Вот так, оказывается, пострадал Алексей Кузьмич из-за Ленина.

5. Дети войны

В детстве я часто бывала в деревне у бабушки с дедушкой. Деревня наша была небольшая, компактная, очень уютная. Её окружал густой, сочно-зелёный лес, а большая, хрустально-чистая река и сейчас встаёт перед моими глазами во всей красе при воспоминаниях о детстве. До сих пор помню запах багульника, гроздьё голубики и красной смородины, густо растущую землянику.

В основном все жители деревни были мне знакомы, кто больше, кто меньше. Одним из сельчан был работник конторы Иванов Мухтар Петрович. Мне всегда казалось необычным его имя. Тем более дети Мухтара Петровича были моими друзьями и звали их, как и большинство жителей деревни, совершенно обычно: Маша, Анюта и Платон. Кстати, в той деревне встречались и нестандартные имена, но они-то как раз для советского уха (даже для моего детского)

были привычны: Ракета, Варшавянка, Молот, Октябрь и т.п. Как-то я спросила у дедушки: «А почему Мухтара Петровича так странно называли?». Дедушка сказал: «У него ещё сестра есть, её зовут Майрамхон, она в соседней деревне живёт со своей семьёй». А потом рассказал удивительную, очень трогательную историю.

Пётр Иванов ушёл на войну в 1942 году, двадцатилетним парнем. Участвовал в кровопролитных боях Великой Отечественной, проявлял отвагу и смелость, освобождал города и страны, был награждён орденом и медалями, встретил Победу в Германии. И бок о бок, рука об руку с ним все эти военные годы шёл фронтовой друг – парень-узбек Мухтар Батыров. Не раз выручали друг друга в пылу сражений, стали как братья, якут и узбек. И однажды, уже в конце войны, обещали, что первенцев своих назовут в честь друг друга, если будут сыновья, а если дочки – в честь матерей друг друга. И что обязательно встретятся после войны и не раз.

Кончилась война. В 1946 году парни вернулись на свои малые родины: в Якутию и Узбекистан. Но не суждено было им хоть раз побывать друг у друга в гостях. И Пётр Иванов, и Мухтар Батыров недолго прожили после возвращения домой. Пётр умер в начале пятидесятых от сердечного приступа, прямо на работе (работал в колхозе, на поле). Мухтар пережил друга на два или три года, его тоже забрала болезнь. Совсем молодыми ушли из жизни фронтовые друзья, солдаты Великой Отечественной. Но оба успели жениться, родить детей. У каждого родились сын и дочь. Вот так и выросли в якутской деревне Мухтар Петрович и Майрамхон Петровна, а в узбекском кишлаке – Пётр Мухтарович и Прасковья Мухтаровна.

«Свет пройди, – нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне» (А. Твардовский)

Глава 3

Глава 3

6. Студенты на раскопках

Летом 1996 года я, будучи студенткой Якутского госуниверситета, принимала участие в археологических раскопках в Мегино-Кангаласском районе (Якутия). Мы были подсобными работниками археологов, рабочей силой.

Мы приехали на раскопки в начале июля 1996 г. Нас, студентов, было примерно 30 человек. Плюс 4 руководителя.

Июль 1996 года был нестерпимо жарким, днём воздух нагревался до плюс 35, поэтому копали мы утром и поздним вечером. И все равно загорели дочерна, а одежда под солнцем выцвела. Помнится, я уезжала из города в новой ярко-фиолетовой рубашке, а вернулась в абсолютно белой, то есть она выцвела добела.

Жили мы в палатках недалеко от места проведения раскопок. Однажды, 12 июля, палатки сорвало сильнейшим ураганом, который буквально разнёс лагерь, потом мы долго наводили порядок, ходили по лесу, собирая разлетевшиеся миски и ложки.

Местность, где мы копали, была живописнейшая, чудесная, просторная. Были там две реки. В них мы и купались, и воду питьевую оттуда брали, и находки свои археологические там же мыли.

В ходе работ нами были раскопаны и исследованы пять древних якутских жилищ 15 века. Люди, жившие в этих жилищах пять столетий назад, занимались скотоводством, охотой и рыболовством, так как в отходных ямах вокруг жилищ нами были обнаружены кости коров, лошадей, сохатых, косуль, мелких грызунов, крупных рыб (в частности сома и осётра), птиц (утки и журавля), черепа соболей. Из костей древнего осётра я сделала себе крутой браслет и долго носила его.

Теперь напишу о предметах обихода из древних жилищ. Нами тогда был извлечён богатый материал. Основными находками стали глиняные сосуды, нередко с орнаментом (встречались весьма сложные, изящные узоры). Было обнаружено немало костяных и железных изделий. Например, очень много нашли костяных и железных наконечников стрел. Помню вид наконечника, известный как «стрела сардана», и впрямь напоминающий по форме сардану – якутский цветок (по научному «даурская лилия»); костяную ложку (очень добротную, большую, отлично сохранившуюся); костяную гребёнку (орнаментированную, с частыми зубьями); несколько железных ножей; железные ножницы (типа овечьих среднеазиатских); костяные иглы и др. А также нами были раскопаны изделия из кости и железа неизвестного назначения: костяное изделие, напоминающее лопатку для переворачивания оладий или котлет; странное костяное изделие, по своему виду приближённое к вилке, имеющей по два зубца на обоих концах; обработанный полый рог с двумя симметричными отверстиями; фрагмент костяного изделия в форме конской головы; железные предметы, отдалённо похожие на дверные ручки и др.

Наряду со средневековыми жилищами, нами были вскрыты и исследованы три могилы. Две из них относились к 18 веку. В первой была обнаружена частично разрушенная погребальная колода из деревянных плах. Об крышку колоды упиралась срубленная берёза. Внутри был обнаружен мужской костяк. Длина костяка достигала 158 см. Возраст умершего – примерно 16-18 лет. На теле сохранились фрагменты истлевшей кожаной одежды. Также рядом с покойным были зафиксированы многочисленные бусины голубого и белого цветов, остатки железного ножа. Во втором погребении (также 18 века) в колоде также находился костяк мужчины. Длина костяка – 180 см. Возраст умершего – около 40 лет. Это погребение характеризовалось

достаточно богатым погребальным инвентарём. В частности, при усопшем были обнаружены железный меч, железный нож, костяная курительная трубка, железные и костяные наконечники стрел, костяная посуда, стеклянные бусины, белые нефритовые бусины, железная пряжка от пояса, медный православный крест. Нож выглядел очень хорошо, когда его достали из погребения, сверкал, но прямо на наших глазах потемнел, потускнел и стал шероховатым. Третье погребение было парным и относилось к 19 веку. Когда исследовали место будущего раскопа, наши руководители предположили, что под землёй находится гроб с покойником, а возле него – маленький ящик с сопроводительным инвентарём (а если честно, то надеялись, что погребение будет женским, а рядом окажется сундучок с украшениями). Но нас ожидало другое. Были обнаружены две колоды, стоявшие бок о бок. В большой колоде находился хорошо сохранившийся, богато орнаментированный гроб (этот гроб при раскопках не вскрывали). В меньшей колоде оказался маленький гроб с орнаментом в виде чередующихся коротких и длинных линий. В гробу находились мумифицированные, очень хорошо сохранившиеся останки девочки двух-трёх лет от роду. Рядом с телом лежали костяные игрушки: лошадки, коровки...

Описанные погребения были задокументированы нами на месте, после чего тела усопших со всей возможной бережностью и тактичностью были возвращены в места их вечного упокоения.

7. Узелки на память

1. В начале 1980-х годов в Якутске сгорело здание нынешней Академии наук и долго не восстанавливалось. Мы, десятилетние дети, в своё время облазили все уголки сгоревшего здания и установили: помещение облюбовали кошки, которых там было великое множество, живых и мёртвых. Затем обуглившиеся руины закрыли огромной тканевой картиной, на которой был изображён лось. Примерно в то же время один за другим сгорели Русский театр и Дворец культуры и техники (нынешний Дом дружбы народов имени Кулаковского). Также сгорели карусели в городском парке. Помнится, говорили о диверсиях. Вообще в городе было очень тревожно, ощущение то живо во мне до сих пор, а в парк ходить я очень боялась.

2. Когда в начале 1980-х годов в Якутске возводили телебашню, вертолёт, на виду у всего города, одну за другой, приносили её составные части (среди которых были конусообразные по форме). Мы, заикленные на гонке вооружений дети, обречённо думали: это рейгановские самолёты прибыли бомбить Якутск.

3. Память удержала исторический момент местного значения, свидетелем которого я была: в середине 1970-х годов в селе Шея (моя малая родина) замерцали первые голубые экраны. Чуть ли не единственный телевизор находился в доме моего деда-учителя. На первых порах показывала только одна программа, вернее, не показывала, а только вещала. Вместо изображения на экране были постоянные волнистые помехи. Но и это казалось жителям чуть ли не волшебством. Перед телевизором каждый день собиралось порядочное число сельчан.

Глава 4

Глава 4

8. Мои корни

Я родилась 24 ноября 1971 г. в селе Шея Сунтарского района Якутской АССР:

В утро холодное в мир я явилась.
Год был обычный. Начало зимы.
Родиной стал мне (так уж случилось)
Маленький угол огромной страны.

Шея – родина моей матери Саввиной Венеры Игнатьевны (1944 – 2023). Её предки были коренными обитателями тех мест, проживали там с незапамятных времён. Родители мамы: Гурьев Игнатий Васильевич (1908 – 1984), учитель истории и географии; Гурьева Александра Степановна (1918 – 1997), домохозяйка. Моя мама имела высшее педагогическое образование: окончила Кемеровский педагогический институт.

Мой отец Саввин Валерий Трофимович (1940 – 2009) – коренной житель г. Якутска. Родители отца: Саввин Трофим Никифорович (1898 – 1969), товаровед; Саввина Раиса Сергеевна (1907 – 1957), учитель русского языка и литературы. Мой папа окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Якутского государственного университета.

С 1975 г. я проживаю в г. Якутске. Окончила среднюю школу № 2 в 1986 г., следом – Якутское медицинское училище в 1990 г. Затем до 1993 г. проживала и работала в г. Санкт-Петербурге. В 1993 г. поступила на историческое отделение историко-юридического факультета Якутского государственного университета и в 1998 г. окончила его. В 2001 г. защитила кандидатскую диссертацию в г. Новосибирске (в Институте археологии и этнографии СО РАН).

С 2005 г. работаю в Национальном архиве РС(Я). Я люблю суть моей работы, с большим удовольствием начинаю каждый свой рабочий день.

Что касается творчества, то я пишу прозу и стихи очень давно, примерно с 7-8 лет. Думаю, сыграл роль генетический фактор, так как у очень многих моих родственников по линии матери (в том числе и у моей мамы) есть творческая жилка.

9. Сапоги

(Из воспоминаний моей мамы и от её лица. Записано в 2014 г.)

Я родилась в 1944 году. Когда случились описываемые ниже события, мне было 6 лет. Мы тогда жили в учительском общежитии, папа был учителем истории, мама – воспитателем в интернате. В нашем доме проживало шесть семей, у каждой семьи был отдельный вход.

Однажды перед нашим домом притормозила машина «Газик». Тогда на такой машине ездили начальники. Мы все выбежали на улицу, окружили машину. Оттуда спустили на землю солдата без обеих ног. Он передвигался на руках, был в солдатской форме, совсем молодой. Приехавший с ним человек сказал, что Коля вернулся с фронта, долго лечился, он наш, сунтарский, и хочет жить здесь, родные все умерли. «Женщины, вы ему помогите» – попросил сопровождающий.

Моя мама Александра Степановна собрала женщин, они распределились по дням, кто будет готовить Коле еду, прибираться в доме. «А моя Венера (то есть я) будет каждый день в магазин ходить за хлебом и табаком, я попрошу продавца» – сказала мама.

Женщины стали по очереди ходить к Коле, да и остальные постоянно приносили ему то суп, то мясо, то оладьи. Иной раз приходили мужчины, жалея, поили вином. Пьяным он плакал

и ругался, а иногда долго лежал, отвернувшись к стене. Таких людей мама и папа бранили: зачем, говорили, спаиваете, ему ведь и так тяжело.

Однажды мама сказала, что Коля хочет шить сапоги. Ни у кого не было кожи, но всё-таки нашли кожу для небольших сапог. Коля решил, что сошьёт сапоги мне – своей помощнице. Мы с мамой торжественно сходили на примерку.

И вот Коля сказал, что сапоги готовы, и чтобы я пришла. Мама передела меня в нарядное ситцевое платье, а из отрезков платья сделала бантик на голову. Когда мы пришли, комната была полна женщин, атмосфера была очень оживлённая. Я надела сапоги и Коля попросил: «Ну-ка, пройди по кругу, они должны скрипеть как у комиссаров». Комиссары в моём детском понятии были самые образованные, уважаемые, достойные люди, о них часто говорил папа. Я начала с удовольствием вышагивать по комнате, «скрип-скрип», «скрип-скрип», и вдруг почувствовала тишину. Посмотрела на женщин. Почти все вытирали слёзы кончиками платков, а Коля сидел очень грустный. Я не сразу поняла, почему они плакали. Потом поняла, что они представили бравого солдата Колю, с ногами, весёлого, быстрого, у которого вся жизнь впереди. Я и сама заплакала, а Коля обнял меня и сказал: «Ты ведь скоро в школу пойдёшь. Учись хорошо, будешь настоящим комиссаром».

Спустя некоторое время подъехала та же машина и забрала Колю в интернат для инвалидов.

Прошло много лет. И всегда при приближении 9 мая я вспоминаю Колю. В его лице мне очень жалко молодых солдат, жизни и здоровье которых отняла война.

А сапоги служили много лет, в нашей семье было пятеро детей, я самая старшая.

10. Поездка на родину

(Из воспоминаний моей мамы и от её лица. Записано в 2021 г.)

Летом 2015 г. мы с младшей сестрой Августой решили съездить на нашу малую родину – в Шею. К нам присоединились моя средняя дочь Лиза, мой внук и внучка сестры. Нашим внукам было тогда по 6 лет. Решили познакомить их с сельской жизнью, думали, может, по-якутски заговорят. Внук тогда ходил в детский сад, в русскоязычную группу, ни одного якутского слова не знал, считал себя чистейшим русским человеком. Внучка сестры по-якутски немного говорила.

В общем, начали собираться в дальний путь. Давно на родине не были. Собираемся, едим, бегаем туда-сюда. Продуктов накупили ящиками, думали, в Шее цены заоблачные, а много чего и в помине нет. Такая радостная суматоха была. Внук заразился нашей взбудораженностью, деньги свои небольшие положил в мешочек, говорит, на карманные расходы. Как раз в то лето моя старшая дочь с семьёй уехала отдыхать в Сочи, младшая дочь с семьёй – в Грецию. Я говорю внуку: «Нам бы с тобой туда – в Сочи или в Грецию». А он мне в ответ на полном серьёзе: «Так мы же, бабушка, тоже едем в дальние края, в Шею». Потом спрашивает: «Бабушка, а какие города мы будем проезжать? Я в тех городах деньги свои буду тратить». Я отвечаю: «Мы увидим два города – Вилуйск и Нюрбу». А он и рад.

И вот поехали. Дорога была долгой, на машине, почти сутки добирались. Но дети наши к дорогам привычные, до этого ездили в более дальние путешествия. Доехали до Шей очень хорошо, без приключений. Наш с Августой брат Михаил, живущий в Шее, отдал в наше распоряжение свой второй дом. Дом просторный, светлый, уютный. Брат с женой по специальности оба учителя, к тому времени уже вышли на пенсию. Они всё удивлялись, почему наши внуки по-якутски не говорят, научим мигом, сказали. Ну, мы тому и рады.

С восторгом вспоминаю то лето. Размеренные дни, вкусная, натуральная еда, неспешные прогулки по деревне, знакомые лица. Кстати, цены в магазинах Шей оказались совершенно нормальными, и ассортимент был очень даже богатый. Собирали в лесу ягоды, были на уро-чище, где жили мои предки, ходили по дорогам, где бегали детьми, и вспоминали-вспоминали

наше счастливое безоблачное детство. Внуки не скучали, играли, бегали по двору, ходили на сельскую детскую площадку, а также и с нами везде были: и в прогулках по Шее, и в гостях, и в нашем походе к урочищу предков. Но вот незадача: брат с женой, другие сельчане пытаются с ними говорить по-якутски, а дети ни в какую. Поэтому пришлось всем перейти на русский язык, разговаривая с ними. Зато дети познакомились с сельской жизнью, им понравилась тамошняя спокойная жизнь, кони и коровы, собака Сокол, даже однажды целый день помогали на сенокосе, сгребали сено граблями.

А мы, взрослые, с радостью собирали красную смородину и голубику, в то лето очень много ягод выросло в Шее, прямо гроздьями свисали с кустов, вёдра наполнялись моментально. Однажды вдвоём с дочерью собирали красную смородину, с полными вёдрами три часа неспешно шли домой, и я вспоминала, что в детстве преодолевала этот путь за полчаса.

Прожили мы в Шее гораздо дольше планируемого, уже из Якутска нам начали писать: «А когда вы приедете-то?».

До сих пор и я, и сестра, и дочь, и дети с большим удовольствием вспоминаем то солнечное лето.